

Гурджиев. Учитель в жизни

Автор:

Чеслав Чехович

Гурджиев. Учитель в жизни

Чеслав Чехович

Гурджиев. Четвертый Путь

Чеслав Чехович (1900–1958) во время Гражданской войны в России воевал в Белой армии в составе ее польского контингента. В 1920 году вместе со многими другими русскими офицерами высадился в Константинополе, ставшим его домом на полтора года. Здесь же он познакомился с П. Д. Успенским, а затем и с Георгием Ивановичем Гурджиевым. Эта связь сохранится до самой смерти Гурджиева в 1949 году – Чехович последовал за учителем в Берлин, затем в Институт Гармонического Развития Человека в Приоре, затем помогал в квартире Георгия Ивановича на улице Колонель Ренар. После смерти Гурджиева Чеслав Чехович продолжал работу вместе с Жанной де Зальцман (которой посвящается эта книга) вплоть до своей смерти в 1958 году. Книга Чеслава Чеховича – воспоминания человека, который находился в пространстве учителя двадцать восемь лет – продолжает серию «Гурджиев. Четвертый Путь» в издательской группе «Традиция».

Чеслав Чехович

Гурджиев. Учитель в жизни

Книжная серия «Гурджиев. Четвертый Путь» посвящается памяти Владимира Григорьевича Степанова

Слово издателя

Дорогой Неизвестный Читатель!

Настоящим изданием продолжаем «гурджиевскую серию» и представляем вашему вниманию воспоминания человека, который находился в пространстве учителя двадцать восемь лет.

Чеслав Чехович встретил Гурджиева в Константинополе, был одним из многих, прошедших через жернова Приоре, и он же помогал учителю на улице Колонель Ренар. Его воспоминания позволяют нам снова погрузиться в атмосферу, где все было подчинено одной цели – работе над собой.

Всматриваясь в обстоятельства тех времен, снова и снова отмечаешь для себя пронизывающую многочисленные мемуары и дневники уникальную способность Гурджиева быть для окружающих мастером бытия:

– в любых обстоятельствах, с любыми подручными средствами, в окружении любых людей всегда проявлять свой высокий бытийный уровень и соответствующее ему знание,

– всегда сохранять верность поставленной цели – помогать каждому в его трудном паломничестве к своему внутреннему источнику.

«Есть ли предел способности служить, служить взятой на себя задаче?...

Дать ответ, кажется, может только тишина»

Чеслав Чехович

Будьте счастливы!

Благодарности

Огромное спасибо за помощь

Михаилу Кошубарову

Валерию Малышеву

Предисловие

После Первой мировой войны и большевистской революции, пройдя сквозь множество приключений, Георгий Иванович Гурджиев вместе с несколькими учениками из русских групп оказался в Константинополе. Здесь, в начале 20-х годов XX века, благодаря курсу лекций П. Д. Успенского, Чеславу Чеховичу – в недавнем прошлом многообещающему офицеру царской армии, – посчастливилось встретиться с Гурджиевым.

За несколько лет до своей смерти в 1958 году Чехович понял важность своих многочисленных воспоминаний и личных записей о жизни рядом с Гурджиевым, и чтобы не потерять свой уникальный опыт, почувствовал неотложную необходимость его записать. Опираясь на свои разрозненные заметки, написанные очень грубым французским языком, Чехович начал диктовать свои воспоминания группам учеников, интересовавшихся учением Гурджиева и собиравшихся вокруг него в Париже, Лилле и других местах. Эти отрывки и куски не представляли собой цельного текста и явно требовали правки, структурирования и полного пересмотра для приведения в подобающий вид.

Мишель де Зальцман решил собрать эти фрагменты в настоящее произведение. К работе он захотел привлечь и меня, поскольку, сотрудничая с учеником Чеховича, он не только придавал им литературное оформление, но и отдавал дань памяти человеку, изначально написавшему черновики. Будем надеяться, что читатель найдет в этих воспоминаниях и то, каким был Гурджиев, и то, каким стал Чехович благодаря его учению.

Я хочу, чтобы читатель мог найти на этих страницах Гурджиева, «учителя в жизни», каким он был и каким его описывал Мишель де Зальцман. Это выражение отражает истинную высоту Гурджиева, высоту даже большую, чем

«учитель мышления», которым он также несомненно был.

Серж Галтье д'Орье

Я посвящаю эти воспоминания Жанне де Зальцман, продолжившей работу Гурджиева.

Чеслав Чехович

Пролог

Поскольку собранные в этой книге воспоминания написаны после смерти Георгия Ивановича Гурджиева, у меня, естественно, не было возможности показать их ему, что я непременно сделал бы, если бы он был жив. Мои записи сделаны со всей возможной точностью и искренностью по отношению к событиям. В то же время они неизбежно субъективны, за что я несу полную ответственность.

Почему я столь сильно чувствую потребность рассказать про эти события? Двадцать восемь лет я общался с Георгием Ивановичем во множестве разнообразных обстоятельств, и теперь сознаю, что жизнь моя начала что-то значить только благодаря этому человеку и его учению. Более того, идеи Гурджиева и его работа пробуждают все больший интерес во всем мире. Поскольку нас, людей того героического периода, в живых остается все меньше, я почувствовал обязанность писать для тех, у кого не было незабываемых впечатлений, оставшихся у меня от жизни рядом с этим необыкновенным человеком.

Когда я говорил о «работе над собой», которой учил Гурджиев, люди часто спрашивали меня, на кого он был похож в обычной жизни. Мои первые воспоминания были простыми и короткими. Но, возвращаясь ко мне, все больше и больше, – богатые на подробности и содержание, – они стали пробуждать

сущности людей. Благодаря настойчивости своих учеников я переработал уже сделанные ими записи, и они постепенно приобрели форму этих воспоминаний.

Без сомнения, это особый подход к Гурджиеву. Ввиду многих, часто необоснованных, спекуляций об этом человеке мне кажется важным не забывать, каким Георгий Иванович был человеком, как относился к окружающим, к жизни и к своему учению.

Чеслав Чехович

Часть I

Воспоминания о Константинополе

1920-1922

Первая встреча

В январе 1920 года я находился в польском контингенте отступавшей к югу царской армии. Достигнув Черного моря, мы спешно погрузились на корабль. Наш корабль ненадолго остановился в Болгарии, а затем проследовал в Константинополь, ставший моим домом на полтора года.

Оказавшись далеко от жестокости гражданской войны, я почувствовал громадное облегчение. По правде говоря, во все это я попал против своего желания, поскольку оставаться безучастным среди наступившего хаоса было невозможно. Конечно, у меня было желание спасти свою жизнь, и наша высадка в Константинополе, казалось, предложила нам неожиданную возможность без позора избежать этого жестокого конфликта.

Из Константинополя война казалась очень далекой. Но даже здесь я не мог стереть из своей памяти недавно пережитое. Меня преследовали кошмарные картины варварства и насилия.

Найти какую-то причину войны и ее жестокости я не мог. Но даже посреди военных действий, в короткие моменты сна или грез от чрезвычайной усталости, во мне возникало странное ощущение, что где-то существует другая жизнь – жизнь, полная смысла. В юности подобные впечатления уже вызывали у меня множество вопросов, и, несомненно, пережитый опыт подготовил меня к тому, что последовало потом.

Я регулярно ходил в клуб «Русский маяк». Там я однажды увидел объявление, анонсирующее серию лекций некоего П. Д. Успенского. Тема была довольно таинственной: «Древняя мудрость Востока, раскрытая через новое течение западной мысли». Она привлекла меня, и я незамедлительно решил пойти [1 - Частично материал этих лекций раскрыт в книге П. Д. Успенского «В поисках чудесного»].

Сейчас я не могу сказать, о чем была первая лекция, но один факт остался в моей памяти. Успенский дал нам практические инструкции, поэтому мы могли убедиться на собственном опыте, правильны ли его утверждения. Удивленный таким подходом на первой лекции, я пообещал себе вернуться и на остальные.

Со временем на встречи приходило все больше и больше людей. Меня поражало то обстоятельство, что идеи, становившиеся для меня все яснее и казавшиеся мне излучавшими истину, часто вызывали сопротивление в тех, кто присоединился недавно. Они часто прерывали Успенского, мешая полностью раскрывать свои идеи, что приводило нас, «старичков», в ярость! К счастью, он организовал для нас встречи после лекций, и иногда мы проводили ночи напролет в различных кафе старого квартала. В подобных колоритных местах наши бесконечные философские беседы обогащались порциями дузико и восточных деликатесов.

Чем больше я ходил на эти беседы, тем больше рос мой интерес. Лекции настолько пленили меня, что я решил не отвлекаться ни на что, способное им помешать. Мне действительно открылся новый мир, влекущий меня мир. Я чувствовал потребность стать более уравновешенным – привести в порядок свой дом, образно выражаясь, чтобы смочь непосредственно слышать внутренний призыв, начинавший проявляться внутри меня.

Семья и мои друзья не понимали, что со мной происходит. Для них я просто попал под влияние гуру, шарлатана, и они считали меня безнадежным. Я же чувствовал совершенно обратное, поскольку все больше и больше начинал узнавать о своих недостатках и о нехватке знания в особенности. Я знал, что «время безжалостно», и я не должен откладывать завершение своей учебы, жестоко прерванной войной. Хотя с началом войны меня и произвели в офицеры, единственным моим аттестатом был польский аналог французского бакалавриата.

Русские эмигранты в Константинополе сильно беспокоились о будущем молодого поколения. Чтобы позволить молодым людям продолжить учебу и получить дипломы, известные люди и различные организации предлагали множество оригинальных решений. Чехословакия открыла свои университеты для русских студентов и даже гарантировала стипендии, отчасти ради подтверждения славянской солидарности. Определенные преимущества предоставляли и Соединенные Штаты. Константинополь явно оказался только временной остановкой.

Наиболее здравомыслящие среди русских эмигрантов понимали, что никогда вновь не увидят родину. Другие все еще были полны надежды однажды вернуться к старому образу жизни. В ожидании все они жили, как могли, богатые распродавали имущество, включая драгоценности. Что же до молодых людей, то большинство охотно приняли предложенное образование.

Все задавались одними и теми же насущными вопросами. Что делать? Как устроить жизнь? Куда идти? Я сам во всем сомневался. Мы часто поднимали эти вопросы в разговорах с Успенским. Он говорил, что мы живем в «библейские времена», когда, как тогда казалось, пророчества сбываются. И добавил: «Что сегодня действительно необходимо – это появление нового типа человека, способного понять значение человеческой жизни».

Он заверил нас, что знает человека, способного показать нам путь. Тот вскоре должен был прибыть в Константинополь, и целью предварительных лекций было подготовить таких людей, как мы, к пониманию его языка и практического учения, предлагавшего ключи к возможному развитию человека. Я все еще не очень хорошо понимал, на что ссылался Успенский, поскольку меня не сильно привлекала мистика, философия или психология. Но даже при этом лекции оставляли меня с ощущением чего-то всеобъемлющего, чего я никогда прежде

не испытывал.

Прошел почти год, я не пропускал ни одной встречи. Однажды, вместе с приглашенным мною знакомым, я немного опоздал. Я сразу же заметил, что Успенский, вместо того, чтобы сидеть, как обычно, в центре, сел в стороне. На его месте был другой человек. У него было смуглое лицо, большие черные усы и гладко выбритая голова. Особенный внимательный взгляд. По-русски он говорил с сильным кавказским акцентом. Я почти не обращал внимания на то, что он говорил. На самом деле я был сильно раздражен, поскольку часто говорил с Успенским о человеке, которого я привел, а этот непрошенный гость нарушал мои планы.

Тогда я неспособен был понять, о чем говорил этот человек. Казалось, каждая фраза содержит парадоксальное значение, граничащее с абсурдом. Все было так нелепо, что на протяжении всей лекции я не мог удержаться от смеха. По ее окончании я был раздражен и хотел сказать Успенскому, насколько сильно я ощущаю, что вечер потрачен впустую. Однако, человек, которого я привел с собой, торопился домой, поэтому я вынужден был уйти, не представив его.

На следующую встречу я пришел чуть раньше и ждал Успенского с несколькими другими постоянными посетителями в саду «Русского маяка». Как только он появился, я поднялся к нему.

«Петр Демьянович, – сказал я, – что случилось? Почему вы позволили этому человеку говорить весь вечер? Обычно встречи так интересны! На последней я слышал только банальность. Этот человек настолько непонятно говорил, что я не мог удержаться от смеха от начала и до конца».

«Дорогой Чехов, это показывает только, до какой степени вы еще не готовы. Человек, заставивший вас столько смеяться, никто иной, как Георгий Иванович Гурджиев, о котором я вам говорил. То, о чем он говорит – очень глубоко, очень гармонично, но вы должны знать, как слушать, а вы еще на это не способны».

Слова Успенского поразили меня, словно удар в лицо. Как исправить положение? Главным образом, как объяснить свой неудержимый смех? Последний вопрос преследовал меня несколько дней. Внезапно стало ясно, что только Гурджиев может рассказать о причине моего смеха, и у меня не остается ничего иного, кроме как отправиться за разъяснениями к нему. Разнообразные планы

промелькнули у меня в голове. Чем больше я думал о его ответе, тем больше полагал, что он скажет, что я вел себя по-дурацки. Однако, размышляя я дальше, если Гурджиев действительно исключительный человек, он найдет время объяснить причину моего смеха. В любом случае, ответит он мне или нет, по крайней мере, у меня будет возможность оценить значение этого человека.

Несколько дней спустя, решительно настроенный, я смело отправился к нему домой. Я до сих пор вижу себя перед его дверью: палец застыл на половине пути к дверному звонку. Мое движение остановил поток размышлений: «Не совершаешь ли ты большую ошибку? Не будет ли глупостью вот так просто нажать на его звонок?» Парализованный нерешительностью, я застыл возле его двери. В голову мне пришла идея вместо этого отправиться к Петру Демьяновичу. Я спустился по улице на несколько шагов, но ноги непреодолимо тянули меня назад, к двери. Так повторилось два или три раза. Наконец, чувствуя раздражение и отвращение по поводу недостатка решительности, я решился броситься в логово льва и нажал на звонок.

Дверь открыл сам Гурджиев. Спокойным, приветливым голосом он поздоровался со мной. «Ну, мой друг, вы пришли навестить меня?»

«Да, Георгий Иванович, – ответил я в удивлении. – Мне нужно с вами поговорить».

За нами закрылась дверь, и вскоре, вместо логова льва, я оказался в теплой атмосфере большой семьи. Из парадной мы прошли в комнату, где уже находилось несколько человек. Очевидно, Гурджиев с несколькими учениками пил чай.

«Стакан чая?» – спросил он меня.

Я кивком согласился и, благодаря возможности вести себя как можно незаметнее за чаем, почувствовал облегчение. Гурджиев, несомненно, заметил, что я начал расслабляться. Он дал мне время допить чай, затем поднялся.

«Вы высокий, и это может быть полезным, – спокойно сказал он. – Не могли бы вы помочь мне снять эти картины? Я бы хотел их перевесить».

«Конечно», – ответил я. Я встал и пошел за ним. Он провел меня в другой конец комнаты, где висело несколько картин. Он указал мне поменять две из них и поправить еще несколько. Без сомнения, это было предлогом для разговора тет-а-тет. Он вздохнул и присел на скамью, жестом приглашая меня сделать то же самое.

«Вы просто пришли в гости или хотите что-то сказать мне?»

«Да, я действительно хотел кое-что спросить, но я не вполне понимаю, как задать свой вопрос».

«Это не имеет значения. Задавайте, как сможете».

«Хорошо. Когда я слушал вас тем вечером, я начинал смеяться и не мог остановиться. Я действительно не понимаю, почему. Вы можете объяснить мне это?»

Думаю, я говорил все это, смотря себе под ноги, поскольку совершенно не помню выражения его лица. Но я действительно помню, как удивился, не увидев такой реакции, какой я ее себе представлял. Вместо незамедлительного ответа Гурджиев долго молчал. Казалось, он вспоминал тот вечер. Наконец он сказал успокаивающим тоном: «Ах да, я помню, как вы засмеялись несколько раз, и сейчас вы хотите знать, почему. Не сомневаюсь, что это потому, что сказанное мною показалось вам абсурдным. Давайте посмотрим, действительно ли это так».

Он произнес несколько несвязанных слов, а потом спросил, что каждое из них означает для меня. Не без труда, но мне удалось ответить. Тогда он вслух произнес фразу, используя те же самые слова, и заметил: «Произошло так, что произнесенная мною правильная фраза показалась вам нелепостью».

Он продемонстрировал, как эти отдельные слова, взятые вместе, произвели на меня противоречивое впечатление и заставили меня смеяться. Потом он объяснил настоящее значение, заключенное в словах, раскрывающее совершенно другую перспективу по сравнению с той, с которой их рассматривал я. Смысл фразы тогда стал совершенно отчетливым. Он повторил свою демонстрацию три или четыре раза, спрашивая каждый раз, какое значение имеют для меня определенные слова. И снова он построил из этих же слов

фразу, вначале учитывая мою собственную интерпретацию слов, представлявшуюся абсурдной. Он повторял ее, объясняя реальное, более глубокое значение каждого слова и закончил, показав значение фразы в целом.

Его объяснения поразили меня, и в то же время объяснили гораздо больше, чем я мог надеяться. Подумать только, как я мог беспокоиться, что он примет меня за дурака! Наоборот, он позволил мне почувствовать, что я способен понимать его. Я был удивлен, смущен и растерян одновременно, мне было стыдно, что не понял этого раньше. Я убедился в одном – я готов был следовать за ним куда угодно. Все мои предубеждения унесло прочь. Столкнувшись с таким умом, не было никакой нужды спрашивать себя, разумно ли мое новое отношение или заслужил ли он мое доверие. Все было слишком очевидным.

Находясь рядом с ним, я не мог не задать другой вопрос, не дававший мне долгое время покоя. Он касался загадки моих видений или предчувствий. Я рассказал ему, что они всегда руководят мной в минуту опасности. Тогда он спросил: «Как долго вы уже участвуете в подготовительной группе?»

«Около года».

«Вы не планируете уезжать?»

«О, нет! По крайней мере, я не думал об этом».

«Тогда со временем ответ, который вы ищете, может стать результатом ваших усилий, вашего поиска. Однажды вы сами поймете, что то, что вы хотите получить у кого-то сейчас, немедленно – бесполезно. Только то, что вы поймете через свои собственные усилия, может стать частью вас».

Я обрадовался, его слова давали мне надежду относительно вопроса о моих снах. Я почувствовал, что оставаясь дольше, буду злоупотреблять его гостеприимством. Я поблагодарил его и спросил, можно ли прийти снова. Он сказал, что останется здесь еще на несколько месяцев, и я могу прийти, если захочу. На этом я и распрощался.

Возвращаясь домой, я горел желанием участвовать в работе этого человека. Я чувствовал, что должен посвятить себя этой работе. Необходимо было принять некоторое решение, после которого пути назад уже не будет – решение,

продиктованное не расчетом, случайностью или каким-нибудь мелким интересом. Решение, определяющее мою жизнь так же, как жизнь животного определяет его среда обитания: жизнь червя – почва, хищной птицы – воздух, форели – река.

Я чувствовал, что установившиеся между Гурджиевым и окружающими его людьми отношения – очень необычные. Я также настолько чувствовал себя в своей стихии, что желание находиться именно там казалось абсолютно естественным. В таком настроении я возвращался домой. Казалось, теперь я знаю другое пристанище, то, о котором мечтают все – «дом Отца Моего».

Двадцатники

Очень скоро оказалось, что я живу и обедаю в доме Гурджиева в Константинополе. Это дало мне замечательную возможность непосредственно наблюдать многих русских еженцев, приходивших насладиться его обильными трапезами. За приготовление еды отвечала его жена Юлия Осиповна и несколько его учеников, а поскольку обедать сюда приходило все больше людей, для готовки приходилось искать все более объемные кастрюли.

Русские беженцы были безнадежно бедны. Большинство из них, теперь абсолютно нищие, раньше представляли государственные власти. Все они собирались вместе в доме Гурджиева. Некоторые приходили с солдатскими котелками, другим подавали в домашней посуде; все они рассаживались где попало, на скамейках или ступенях.

Гурджиев часто собирал всех беженцев вместе, убеждая, что они должны как можно быстрее приспособиться к новым условиям жизни. Большинство все же были уверены в том, что вернутся хорошие времена, и они смогут возвратиться в Россию. Никто, казалось, не относился серьезно к наставлениям Гурджиева.

Гурджиев был добрым и внимательным хозяином, радушно принимая каждого. Разговаривал с беженцами об их ситуации он всегда после еды, успокоив голодные животы. Спустя неделю или две такого неподдельного дружелюбия, Гурджиев начал настойчиво говорить о необходимости каждому из нас делать

свой собственный вклад.

«Нельзя всегда перекладывать расходы на еду на одних и тех же людей, – сказал он. – Все должны помогать. Все вы можете зарабатывать деньги, но прежде всего у вас должно быть желание это сделать».

Несколько дней спустя Гурджиив выглядел немного рассерженным. Не показывая какого-либо раздражения, он настойчиво попросил нас не расходиться после обеда, поскольку хотел поговорить о нашей помощи в его делах. Он добавил, что определит, какая помощь ожидается от каждого человека, согласно его способностям. Когда настало время, вместо разговора с каждым из нас по очереди, как он обычно делал, он начал ходить туда и сюда по комнате, в то время как мы в ожидании наблюдали за ним. Его лицо было мрачным и задумчивым.

«Вы выглядите озабоченным, Георгий Иванович», – решился сказать кто-то.

Это и стало искрой, необходимой Гурджииву, чтобы взорваться, будто он ждал ее, чтобы начать, поскольку немедленно повернулся к бедолаге.

«Как же мне не тревожиться? Ведь вокруг столько несчастья, такая нищета среди наших дорогих *emigres*, на нас всех давит столько обязанностей. Я не могу и не хочу уклоняться от своей ответственности».

Некоторое время он рассматривал наши напряженные лица, а затем продолжил: «Я потратил почти все свои деньги. Завтра мы можем остаться без еды! Я должен был занимать направо и налево, чтобы продержаться до сегодняшнего дня. Некоторые из вас говорят, что хотят помочь мне, но вы ничего не делаете».

Пристыженные, мы опустили головы. Каждый из нас почувствовал его тяжелый упрек.

«Я не говорю, что вы не хотите помочь мне, но одного туманного желания недостаточно! Как и весь правящий класс России, всю свою жизнь вы были не более чем паразитами. Вы ждете только одного: дня, когда вам с неба упадет жалованье. Вы все – двадцатники[2 - В Российской Империи чиновники получали жалованье 20 числа каждого месяца.], неспособные к малейшей инициативе, неспособные зарабатывать себе на жизнь. Вы предпочитаете нищету

приложению усилий. Ни один из вас не обратил никакого внимания на мои предложения и предупреждения. Подумайте об этом! Если я не получу необходимые деньги сегодня, завтра я буду вынужден бросить вас. Я не смогу вообще ничего вам предложить. Можно сказать, что такая перспектива практически нравится вам больше, чем усилия для помощи мне? Какое уважение я могу испытывать к людям, неспособным к независимости? Вы все находитесь во власти царящей повсюду паразитической атмосферы. Вы рабы, зависите от всего, что бы ни случилось. Если бы вы действительно никак не могли заработать деньги, то никто не мог бы обвинять вас. Но если вы даже не пытаетесь, вы меньше, чем ничто».

Никто не смел поднять глаз. Моя вина тяжело давила на меня, я тоже чувствовал себя подобно разоблаченному паразиту.

Несколько человек начали говорить, робко заявляя, что готовы сделать необходимые усилия. Гурджиев жестом отшел все это в сторону. «Все это – только слова. Необходимо действие. Те из вас, кто готов сделать что-то, пройдите дальше в комнату».

Почти все так и поступили.

Гурджиев исчез, взяв с собой некоторых из ближайших последователей. Когда он вернулся, его руки оказались заняты коврами и другими разнообразными предметами. Быстро разделив нас на группы по двое и трое, он распределил вещи, которые нужно было продать, и указал минимальную цену, которую мы должны были выручить за них.

«Идите на базар в Константинополь, – сказал он. – Там вы найдете отборную клиентуру, особенно среди иностранцев и турецких коллекционеров, высоко ценящую русский антиквариат».

Он сел на скамью и небрежно закурил сигарету. Постепенно все группы разошлись. На прощание каждая торжественно говорила ему «до свидания». Гурджиев отвечал с улыбкой, наши лица расслаблялись.

Когда Гурджиев остался один, я подошел к нему с благородным намерением предложить ему несколько турецких фунтов, заработанных в ресторане, где я заведовал гардеробом. Я сел рядом и произнес: «Георгий Иванович, поскольку

вы стеснены в средствах, могу я предложить вам несколько турецких фунтов?»

Он повернулся ко мне, как ни в чем не бывало, и спросил: «Не знаете ли вы текущую цену алмазов?»

Озадаченный этой загадкой, я, запинаясь, спросил: «Что? Разве кто-то хочет купить?»

Я остро ощущал, что за глупый вопрос задал. Гурджиев, казалось, проигнорировал его и продолжал: «У меня действительно есть одна проблема», – сказал он. Он вытащил из своего кармана большой красный платок и осторожно развязал его. Я был поражен, обнаружив в нем кучку алмазов разной величины.

«С тех пор, как русские стали продавать свои драгоценности за бесценок, никто не хочет покупать их по нормальной цене».

«Но Георгий Иванович, со всеми этими алмазами – вы очень богаты! Вы только что сказали, что у вас нет ни копейки. И я предложил вам несколько несчастных турецких фунтов!»

«Чехович, вы очень наивны. Если я не доведу их до предела, они никогда не опустятся до зарабатывания денег».

Конечно же, Георгий Иванович отклонил мое предложение.

Прошло всего несколько часов, когда появилась первая маленькая группа потенциальных торговцев. Очень взволнованные, они подробно стали рассказывать, как преуспели в продаже двух ковров по хорошей цене, даже выше оговоренной.

«Все получилось! Особенно потому, что в глазах покупателей эти ковры не стоили так уж дорого».

На минуту они превратились в настоящих невозмутимых профессиональных торговцев.

Что же до остальных групп, то все они вернулись с унылыми лицами. Они ничего не продали, утверждая, что запрашиваемая цена слишком высока.

«Никто из вас ничего не понял, – сказал Гурджиев. – Вы поверили первому прохожему. Кроме того, вы сдались слишком быстро. Какую цену я сказал вам назначать?»

«Двадцать турецких фунтов».

«Двадцать турецких фунтов? Невероятно! Я не мог сказать вам такого вздора. Это же ковры, которые персидский шах предложил великому князю Александру по случаю государственного визита в Россию, когда великий князь пригласил шаха на охоту в свое имение. Эти ковры имеют историческую ценность!»

С этими словами он вдвое повысил цену против прежней.

В тот же самый вечер вторая группа преуспела в продаже этих «исторических» ковров каким-то иностранным покупателем, страстно возжелавшим завладеть подобными коллекционными вещами по цене еще выше той, что установил Гурджиев.

Каждая группа в свою очередь ощутила возбуждение от успеха. Георгий Иванович от души веселился, изобретая для них все новые непреодолимые коммерческие задачи. Через несколько дней он сказал: «Теперь вы готовы! Вы узнали тайну успеха на рынке! С этого момента – дело за вами!»

Этот опыт породил несколько успешных взлетов в бизнесе, настолько же быстрых, насколько и захватывающих. Некоторые немедленно открывали свои собственные магазины; другие стали превосходными посредниками. По мере того, как людей поглощали их собственные дела, их контакты с Гурджиевым становились все реже; но я уверен, что в душе они всегда чувствовали к нему глубокую благодарность.

После тех событий я еще больше захотел понять внешне загадочное поведение Гурджиева.

Случай с молодым Алексеем

Как передать столь ценное учение, принесенное Гурджиевым? Он всегда хотел основать свой Институт Гармонического Развития Человека, просуществовавший в России из-за политической ситуации лишь очень недолго. В 1921 году, в еще более ненадежных условиях, он вновь открыл его двери в Константинополе, куда меня приняли учеником. Так как мое финансовое положение было скверным, Гурджиев позволил мне жить в своем доме. Также к Георгию Ивановичу приехал жить и новичок, тот выделил ему маленькую комнату на чердаке. Мы скоро подружились, и он рассказал мне свою историю. Алексей Камб был молодым человеком около двадцати лет с бледным, покрытым прыщами лицом. Его отец был богатым судовладельцем. Я узнал, что Алексей страдал от опасного для жизни пищевого расстройства и Гурджиев согласился лечить его. Вот его история.

* * *

Алексей начинал свой день с завтрака из трех или четырех больших чашек кофе, глазуньи из двадцати яиц или огромного омлета, а также хлеба с маслом в соответствующих количествах. На обед этот молодой Пантагрюэль поглощал несколько тарелок супа, несколько бифштексов, разнообразные овощи и почти бесконечное количество десерта. Его отец-миллионер хотел сделать из него атлета и полагал, что такая диета может служить только отличному здоровью.

Я не знаю, как долго это продолжалось, но однажды окружающие с удивлением заметили, что вместо полноты, прибавки в весе и атлетической фигуры, Алексей все более и более стал худеть.

Когда отец увидел, что щеки сына впали и все лицо покрылось прыщами, он серьезно забеспокоился. Он проконсультировался у доктора, назначившего какие-то лекарства. Лечение продолжалось какое-то время, пока отец не понял, что этот доктор не помогает его сыну и проконсультировался с еще более известным доктором, который, конечно, запросил более высокую цену. Результатом выполнения новой программы лечения стали еще более впалые щеки Алексея. Тогда отец решил показать его специалисту, который объявил о недостатке аппетита у молодого человека, предписал капли для его стимуляции и посадил его на еще более обильную диету. Алексей добросовестно глотал свои

капли и его аппетит увеличился настолько, что на завтрак едва хватало двух дюжин яиц. Несмотря на все это, прыщи продолжали расцветать на его лице, а сам он становился все слабее.

Ситуация казалась безнадежной, пока г-н Камб не встретил психиатра, доктора Стьернвалья, которому рассказал драматическую историю болезни своего сына. Доктор Стьернваль предложил передать этот случай на рассмотрение Гурджиеву, который осмотрел Алексея и немедленно предписал анализ крови. Тот показал, что кровь молодого человека столь истощена, что ему угрожает медленная смерть – как это ни парадоксально, словно от недостаточности питания. Отец умолял Гурджиева взять Алексея под свою опеку.

Когда пришло время назначить плату, Гурджиев спросил, как долго, в точности, Алексей питался столь абсурдным способом. Затем он посчитал стоимость израсходованных продуктов, так же как и стоимость их приготовления, добавил цену употребленных лекарств и сложил оплату уже консультировавших докторов. Он объявил отцу, что лечение будет стоить именно такую сумму. Более того, Гурджиев оговорил определенные условия, которые нужно было принять прежде, чем он согласится заботиться о молодом пациенте: Алексей должен жить в доме Гурджиева и ни у кого не будет права каким-либо образом вмешиваться в лечение, которое он назначит. Отец без колебаний согласился.

Я никогда не забуду первое утро Алексея. Он привык завтракать двумя дюжинами яиц, которые приносили ему в кровать к десяти часам утра; вместо этого в семь утра его разбудил властный голос.

«Алексей, спускайтесь быстрее! Георгий Иванович ждет вас!»

Как только Алексей появился, Гурджиев дал ему работу. Он попросил его разобрать вещи, передвинуть несколько скамеек, вымыть пол, нарубить дров и принести хлеб. Все это нужно было сделать очень быстро и без малейшего перерыва. После он должен был вымыть лестницу. Когда он закончил, Георгий Иванович, разыграв неуклюжесть, столь искусно опрокинул мусорное ведро, что лестница снова стала грязной сверху донизу.

«Алексей, Алексей! Посмотрите, что случилось! Не будете ли вы столь любезны убрать этот беспорядок?» – попросил Гурджиев.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Частично материал этих лекций раскрыт в книге П. Д. Успенского «В поисках чудесного».

2

В Российской Империи чиновники получали жалованье 20 числа каждого месяца.

Купить: https://tellnovel.com/chehovich_cheslav/gurdzhiev-uchitel-v-zhizni

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)